

С. М. СОЛОВЬЕВ

ЧТЕНИЯ И РАССКАЗЫ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Сергей Михайлович Соловьев
Петровские чтения

Эдуард Фреликс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122422

Содержание

Чтение первое	4
Чтение второе	25
Чтение третье	45
Чтение четвертое	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Михайлович

Соловьев

«ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Чтение первое

Проходит 200 лет с того дня, как родился великий человек. Отовсюду слышатся слова: надобно праздновать двухсотлетний юбилей великого человека; это наша обязанность, священная, патриотическая обязанность, потому что этот великий человек наш, русский человек. Наука, ученое общество при университете хлопочет о воздвигнутии памятника небывалого, достойного деятельности великого человека. Священная патриотическая обязанность! Сильные слова, способные возбудить сильное чувство; но чем сильнее чувство, чем священнее предмет, на который оно направлено, тем более предосторожности должно быть употреблено для его разумного направления. Что праздновать и как – первый вопрос, который здесь задает человек, способный разумно относиться к каждому явлению, способный допрашивать это явление о его смысле, а не подчиняться ему безотчетно.

Таким образом, первая обязанность общества образованного разьяснить для себя значение деятельности великого

человека; сознать свое отношение к этой деятельности, к ее результатам, узнать, во сколько эти результаты вошли в нашу жизнь, что они произвели в ней, какое их значение для настоящего, для будущего, иначе праздник будет праздным. И мы собрались здесь накануне праздника, чтоб приготовиться к нему; накануне праздника усиливается работа для человека, который хочет светло, достойно праздновать; во имя величайшего из тружеников русской земли приглашаю вас, господа, к труду – обозреть труд его, подумать над ним.

Двухсотлетний юбилей великого человека – это значит, что мы обладаем материалами, средствами оценивать его величие, накопившимися в продолжение 200 лет. Каждое историческое явление объясняется рядом предшествовавших явлений и потом всем последующим. 200 лет думал русский человек о Петре, и, говоря это, мы не подвергаемся обвинению в большой неточности, потому что великий человек, о котором идет речь, является в истории очень рано, 10 лет, и является на самом видном месте, следовательно, вычет не велик, 200 лет без чего-нибудь русский человек думал о Петре, думал постоянно: что же он надумал?

Думая о Петре, думая о том, за что называют его великим человеком, разумеется, русский человек должен был думать и о том, что такое великий человек вообще.

Бывают в жизни народов времена, по-видимому, относительно тихие, спокойные: живет, как жилось издавна, и вдруг обнаруживается необыкновенное движение, и дело не

ограничивается движением внутри известного народа, оно обхватывает и другие народы, которые претерпевают на себе следствия движения известного народа. Человека, начавшего это движение, совершавшего его, человека, по имени которого знают его народ современники, по имени которого знают его потомки, – такого человека называют великим. В то время, когда народы живут в первый возраст своего бытия, возраст юный, для большинства народного очень продолжительный, когда люди поддаются господству чувства и воображения, тогда великие люди являются существами сверхъестественными, полубогами.

Понятно, что при таком представлении великий человек является силою, не имеющею никакого отношения к своему веку и своему народу, силою, действующею с полным произволом; народ относится к ней совершенно страдательно, бессознательно, безусловно подчиняется ей, страдательно носит на себе все следствия ее деятельности, великому человеку принадлежит почин во всем, он создает, творит все средствами своей сверхъестественной природы.

Христианство и наука дают нам возможность освободиться от такого представления о великих людях. Христианство запрещает нам верить в богов и полубогов; наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое; что в известные времена они требуют известных движений, перемен, более или ме-

нее сильных, иногда отзывающихся болезненно на организме, смотря по ходу развития, по причинам, коренящимся во всей предшествовавшей истории народа. При таких движениях и переменах, при таком переходе народа от одного порядка жизни своей к другому, из одного возраста в другой люди, одаренные наибольшими способностями, оказывают народу наибольшую помощь, наибольшую услугу: они яснее других сознают потребность времени, необходимость известных перемен, движения, перехода и силою своей воли, своей неутомимой деятельности побуждают и влекут меньшую братию, тяжелое на подъем большинство, робкое перед новым и трудным делом. Как люди, они должны и ошибаться в своей деятельности, и ошибки эти тем виднее, чем виднее эта деятельность; иногда по силе природы своей и силе движения, в котором они участвуют на первом плане, они ведут движение за пределы, назначенные народною потребностью и народными средствами; это производит известную неправильность, остановку в движении, часто заставляет делать шаг назад, что мы называем реакциею; но эта неправильность временная, а заслуга вечная, и признательные народы величают таких людей великими и благодетелями своими.

Таким образом, великий человек является сыном своего времени, своего народа; он теряет свое сверхъестественное значение, его деятельность теряет характер случайности, произвола, он высоко поднимается как представитель

своего народа в известное время, носитель и выразитель народной мысли; деятельность его получает великое значение как удовлетворяющая сильной потребности народной, выводящая народ на новую дорогу, необходимую для продолжения его исторической жизни. При таком взгляде на значение великого человека и его деятельности высоко поднимается народ: его жизнь, история является цельною, органическою, не подверженною произволу, капризу одного сильного средствами человека, который может остановить известный ход развития и толкнуть народ на другую дорогу вопреки воле народной. История народа становится достойною изучения, представляет уже не отрывочный ряд биографий, занимательных для воображения людей, остановившихся на детском возрасте, но дает связное и стройное представление народной жизни, питающее мысль зрелого человека, который углубляется в историю как науку народного самопознания.

В двести без чего-нибудь лет, пережитых Россиею со дня рождения Петра, русская мысль относилась различно к этому великому человеку и его деятельности.

Различие взглядов происходило, во-первых, от громадности дела, совершенного Петром, и продолжительности влияния этого дела; чем значительнее какое-нибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно, и, тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние; во-вторых, оттого, что русская жизнь не остановилась после Петра и при каждой новой обстановке ее

мыслящий русский человек должен был обращаться к деятельности Петра, результаты которой оставались присущими при дальнейшем движении, и обсуждать ее, применять к новым условиям, новой обстановке жизни; в-третьих, разность взглядов на деятельность Петра зависела от незрелости у нас исторической науки, от неустановленности основных начал при изучении жизни народов: то применяли к русской истории неподходящую мерку истории чужих народов, отчего происходили странные выводы, то, наоборот, изучали русскую историю совершенно особняком, не подозревая, что при всем различии своем она подчиняется общим основным законам, действующим в жизни каждого исторического народа.

Я говорю о разноречиях серьезных, высказывавшихся людьми серьезными, людьми, честно относившимися к вопросам настоящего и по их связи с прошедшим затрагивавшими и последнее. Но нельзя не упомянуть о печальном явлении, о выходках против Петра, происходивших от детской привычки увлекаться каким-нибудь движением до такой степени, что, не разбирая, начинают считать враждебным этому движению то, что вовсе ему не враждебно, от детской привычки говорить не подумавши, не изучивши, от дурного детского поползновения бросить в кого-нибудь камнем, грязью, не посмотревши внимательно, можно ли с этим кем-нибудь так обращаться безнаказанно, т.е. без умаления собственного человеческого и народного достоинства.

Долго относились у нас к делу Петра неисторически как в благоговейном уважении к этому делу, так и в порицании его. Поэты позволяли себе воспевать: «Он бог твой, бог твой был, Россия»¹.

Но и в речи более спокойной, не поэтической подобный взгляд господствовал; приведение Петром России от небытия к бытию было общеупотребительным выражением.

Я назвал такой взгляд неисторическим, потому что здесь деятельность одного исторического лица отрывалась от исторической деятельности целого народа; в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу, причем народ был осужден на совершенно страдательное отношение к ней; многовековая жизнь и деятельность народа до Петра объявлялась несуществующею; России, народа русского не было до Петра, он сотворил Россию, он привел ее из небытия в бытие. Люди, которые обнаружили несочувствие к делу Петра, вместо противодействия крайности приведенного взгляда перегнули в противоположную сторону; крайности сошлись, и опять надобно было проститься с историею.

Россия, по новому взгляду, не только не находилась в небытии до Петра, но наслаждалась бытием правильным и высоким; все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вот явился Петр, который нарушил правильное течение русской жизни, уничтожил ее народный, свободный строй, по-

прал народные нравы и обычаи, произвел рознь между высшими и низшими слоями народонаселения, заразил общество иноземными обычаями, устроил государство по чуждому образу и подобию, заставил русских людей потерять сознание о своем, о своей народности.

Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезает история народа, развивающаяся сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого.

Понятно, что оба взгляда, по-видимому противоположные, но в сущности одинаково неисторические, не могут удержаться при возмужалости науки, когда более внимательные наблюдения над исторической жизнью народов должны были повести к отрицанию таких сверхъестественных явлений в этой жизни, когда убедились, что явление, как бы оно ни было громко, как бы ни изменяло, по-видимому, народный строй и образ, есть необходимо результат предшествовавшего развития народной жизни. Действительно, возьмем народ, находящийся на первоначальной ступени развития, какой-нибудь кочевой народ в Средней Азии, каких-нибудь монголов. Такие народы по простоте своего быта особенно бывают подвержены сильному влиянию внешних случайных явлений, произволу отдельных лиц. Мы видим, что среди этих народов являются иногда владельцы, ханы, одаренные необыкновенною энергиею, честолюбием, которые в более или менее продолжительное время успевают одолеть, уни-

чтожить других ханов, сплотить мелкие до тех пор разделенные орды в одну громадную массу и двинуть ее на опустошение, завоевание отдельных стран, вследствие чего образуются обширные владения.

Здесь действительно мы видим, что народы страдательно подчиняются влиянию своих великих людей. Чингисханов и Тамерланов. О народе не слышно до появления этого Чингисхана или Тамерлана: он ничто для истории, находится в небытии; одною волею знаменитого хана он приводится в бытие, делается известным, сильным, господствующим. Но и здесь мы видим, что великие люди степей, Чингисханы и Тамерланы, суть дети своего народа, не делают ничего, что бы выходило из границ его быта, его потребностей, не изменяют ничего в этом быте. Народ и до них был хищный, и до них обнаруживал свое существование чисто физическими движениями, грабежами, опустошениями, только в малых размерах; благодаря способностям, сильной воле одного человека они делают это теперь в больших размерах, и в этом заключается вся разница. Умирает великий человек, и основанное им громадное владение начинает распадаться, и народ, всколыханный им, приходит в прежнее состояние, к прежнему историческому небытию. Что же делает здесь великий человек? Только то, на что способен его народ, на что дает ему средства; народ может внешним, механическим образом соединиться волею, силою одного лица; при отсутствии этой воли и силы распадается: только то мы и видим в степной

истории; внутренних перемен, перемен в быте великий человек произвести не может; если бы захотел, то ничего бы не сделал, погиб в бесплодных попытках, но в том-то и дело, что он и не хочет этого, не чувствует и не сознает потребности в этом, ибо он, сын своего народа, не может чувствовать и сознавать того, чего не чувствует и не сознает сам народ, к чему не подготовлен предшествовавшим развитием, предшествовавшею историею. Великий человек дает свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы; от соединения труда и способности знаменитых деятелей с этим народным капиталом идет производство народной исторической жизни.

Но если произвол одного лица, как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи при самых простых, первоначальных формах быта, не может сделать этого с народом-младенцем, народом неисторическим, то тем менее это возможно в народе, который уже прожил много веков историческою жизнью, который развил свои силы в многотрудной деятельности внутренней и каким был русский народ до Петра. Допустить в великом движении этого народа перерыв, уклонение, допустить в перемене бытовых форм измену началам народной жизни, и все это по воле одного человека, — значит низвести великий, исторический народ ниже кочевых народов Средней Азии. Наука не позволяет этого, господа! Не спрашиваю,

может ли позволить это ваше чувство, ваш патриотизм. Народ, живший долгою и славною историческою жизнью и чувствующий в себе способность к продолжению этой жизни, радуется великою радостью, вспоминая о великом человеке и его деле, наполняется праведным самодовольством, ибо в великом человеке видит «плоть от плоти своей и кость от костей своих»². Народ не отречется от своего великого человека, ибо такое отречение для народа есть самоотречение.

Если великий человек есть сын своего времени и своего народа, если его деятельность есть результат всей предшествовавшей истории народа, если эта деятельность дает уразумевать прошедшее – а изучение всего прошедшего необходимо для ее уяснения, – если великие люди суть светила, поставленные в известном расстоянии друг от друга, чтоб освещать народу исторический путь, им пройденный, уяснять связь, непрерывную, тесно сомкнутую цепь явлений, а не разрывать эту связь, не спутывать кольца цепи, не вносить смуту в сознание народа о самом себе, то из этого ясно, как трудна становится биографическая задача, задача изображения деятельности одного исторического лица. Успех выполнения этой задачи, удовлетворительное представление характера и деятельности великого человека зависят от того, как ясно представляется для биографа целостный образ народа, возникший перед ним из внимательного рассмотрения всего исторического пути, совершенного народом. Отсюда

понятно, почему у нас так долго не было истории Петра Великого, несмотря на попытки писать или заставлять писать эту историю. Были похвальные слова Петру, сборники материалов, расположенных по годам и перемешанных восторженными восклицаниями; были стихи в честь ему и хульные выходки в стихах и прозе, но не было истории; нельзя было воздвигать здания, когда не было почвы для него; почва для истории великого человека есть история народа.

Из сказанного ясно, что для уяснения значения Петра В³ мы должны обратиться к предшествовавшей ему истории русского народа, допроситься у нее, что это был за переворот, с которым мы привыкли соединять имя Петра, откуда произошел этот переворот, для чего понадобился. Для получения удовлетворительного ответа не должно мудрствовать, надобно смотреть как можно проще. Все органическое подлежит развитию, подлежит ему отдельный человек, подлежат ему и живые тела, составленные из людей, народы: развитие происходит более или менее правильно, быстро или медленно, достигает высоких степеней или останавливается на низших – все это зависит от причин внутренних, коренящихся в самом организме, или от влияния внешних. Органическое тело, народ, растет, растет внутри себя, обнаруживая скрытые в нем изначала условия здоровья или болезни, силы или слабости и в то же время подчиняясь благоприятным или неблагоприятным внешним условиям, из которых

главное как для отдельного человека, так и для целого народа – это условие живого окружения, общества, ибо могущественные побуждения к развитию и формы этого развития даются обществом для отдельного человека, для народа – другими народами, с которыми он находится в постоянной связи, в постоянном общении. Органическое тело, народное тело растет, значит, проходит известные возрасты, различающиеся друг от друга, легко отличающиеся.

Легко отличаются два возраста народной жизни: в первом возрасте народ живет преимущественно под влиянием чувства; это время его юности, время сильных страстей, сильного движения, обыкновенно имеющего следствием зрительность, творчество политических форм. Здесь благодаря сильному огню куются памятники народной жизни в разных ее сферах или закладываются основания этих памятников.

Наступает вторая половина народной жизни: народ мужает, и господствовавшее до сих пор чувство уступает мало-помалу свое господство мысли. Сомнение, стремление поверить то, во что прежде верилось, задать вопрос – разумно или неразумно существующее, потрясти, пошатать то, что считалось до сих пор непоколебимым, знаменует вступление народа во второй возраст, или период, период господства мысли.

Историк не должен отдавать преимущества одному из этих возрастов перед другим, пристрастно относиться к тому или другому. О вкусах не спорят; пусть один говорит, что

ему нравится растение особенно тогда, когда оно одевается первую свежую зеленью; другой приходит в восторг от цветка; третий скажет: «Что цвет? Поскорее бы он увядал, поскорее бы завязывался и созрел плод!» Но все это не научное дело. Историк знает, что при этом движении, которое называется развитием, с приобретением или усилением одного начала, одних способностей утрачиваются или ослабляются другие. Человек возмужал, окреп чрез упражнение мысли, чрез науку и опыт жизни приобрел бесспорные преимущества и между тем горько сожалеет о невозвратно минувшей юности, о ее порывах и страстях; мудрец жалеет о заблуждениях: значит, в этом пережитом возрасте было что-то очень хорошее, что утратилось при переходе в другой возраст. В тот возраст народной жизни, когда господствует чувство, возраст сильных и страстных движений, возраст подвигов, народ страстно относится к предметам своих привязанностей, он сильно любит и сильно ненавидит, не давая себе отчета о причинах своей привязанности и вражды. Стоит только сказать ему, что предмет его привязанности в опасности, стоит подняться священному для него знамени, он собирается, несмотря на все препятствия, он жертвует всем, чувство дает ему силу, способность совершать громадные работы, воздвигать здания не материальные только, но и политические. Сильные государства, крепкие народности, твердые конституции выковываются в этот возраст, в этот период господства чувства. Но этот же период знаменуется явле-

ниями вовсе не привлекательными: чувство не сдерживается мыслью, знание слишком слабо, суеверие и фанатизм ведут к самым печальным явлениям; неопределенность отношений очищает произволу, силе сильного обширное поле, и, что кажется так прекрасно, так поэтично издали, на картине или на театральной сцене, то, приближенное к нашим глазам научными средствами, изученное подробно, является в отталкивающей обстановке.

Но точно так же односторонне признавать за вторым периодом безусловное превосходство над первым. Период господства мысли, который красится процветанием науки, просвещением, имеет свои темные стороны. Усиленная умственная деятельность может скоро обнаружить свое разлагающее действие и свою слабость в деле созидания. Чувство считает известные предметы священными, неприкосновенными; оно раз определило к ним отношение человека, общества, народа и требует постоянного сохранения этих отношений. Мысль начинает считать такие постоянные отношения суеверием, предрассудком; она свободно относится ко всем предметам, одинаково все подчиняет себе, делает предметом исследования, допрашивает каждое явление о причине и праве его бытия, причем необходимо ставит человека в холодное отношение к каждому явлению. Чувство, например, определяет отношение к своему и чужому таким образом, что свое имеет право на постоянное предпочтение пред чужим; народы, живущие в период господства чувства,

остаются верны этому определению, но постоянная верность ему ведет к неподвижности. Если народ способен к развитию, способен вступить во второй период или второй возраст своей жизни, то движение обыкновенно начинается знакомством с чужим; мысль начинает свободно относиться к своему и чужому, отдавать преимущество жизни народов чужих, опередивших в развитии, находящихся уже во втором периоде. Выведши народ в широкую сферу наблюдений над множеством явлений в разных странах, у разных народов, в широкую сферу сравнений, соображений и выводов, покинув вопрос о своем и чужом, мысль стремится переставить отношения на новых общих началах, но ее определение отношений не имеет уже той прочности, ибо каждое определение подлежит в свою очередь критике, подкапывается, является новое определение, по-видимому более разумное, но и то в свою очередь подвергается той же участи. Старые верования, старые отношения разрушены; в новое, беспрестанно изменяющееся, в многоразличные, борющиеся друг с другом, противоречивые толки и системы верить нельзя.

Раздаются скорбные вопли: «Где же истина? Что есть истина? Дерево познания не есть древо жизни! Червь сомнения подтачивает все! Общество погибает, потому что чувство иссякает, не умеряет мысли!» Ставится страшный вопрос: что выиграл человек, перешедши из одной крайности в другую, променявши суеверие на неверие?

Таковы опасности, могущие грозить отдельным людям и

целым народам при переходе из одного возраста в другой. Заботливые и опытные отцы и матери хорошо знают эти опасности. Сколько с их стороны бессонных ночей и горячих слезных молитв, чтоб Бог сохранил молодого человека от увлечений того широкого пути, на который он вступает, чтоб, предавшись новому, не забыл он всего старого, не отрекся от тех начал, на которых был воспитан, не обратился к ним с враждой. Сколько примеров, что, не могши победить страха пред опасностями, грозящими молодому человеку при переходе через порог семьи, родители решались отказать ему в средствах высшего образования, не пуская в высшее учебное заведение. Предосторожность напрасная! Ранее или позднее человек должен исполнить закон своего развития, должен исполнить его и целый народ.

Нам не нужно долго останавливаться на примерах, укажем только на самые знакомые и близкие к нам, причем окажутся и те побуждения, те средства, благодаря которым народ переходит из одного возраста в другой. Мы беспрестанно употребляем выражение: человек развитый и неразвитый, образованный и необразованный – и знаем, что средством для приобретения этой развитости прежде всего служит переход из узкого замкнутого круга, из узкого замкнутого общества в более широкий круг, в более многочисленное общество. Сельский житель отличается меньшей развитостью, потому что живет в тесном, уединенном кругу, где видит все одни и те же предметы и явления, где господствует простота

быта, простота отношений; и отсюда детская простота взглядов на все окружающее, привычка останавливаться на внешности, не углубляться в сущность явлений.

Горожанин развитее сельского жителя, потому что круг, в котором обращается горожанин, шире, общество людей многочисленнее; одиночество останавливает развитие, общение с другими людьми, уясняя мысль, усложняет развитие, но чтоб плодотворно меняться мыслями, надобно о чем-нибудь думать, надобно, чтоб мысль возбуждалась широтою круга и разнообразием предметов; город дает именно эту широту и разнообразие, и потому горожанин развитее сельчанина.

Другое могущественное средство развития дает школа, наука, посредством которых человеку делается доступен весь мир, и не только настоящее этого мира, но и его прошедшее. Этими двумя средствами развивается каждый отдельный человек, ими развиваются и целые народы.

Народы, живущие особняком, не любящие сближаться с другими народами, жить с ними общею жизнью, — это народы наименее развитые; они живут, так сказать, еще в сельском, деревенском быту. Самым сильным развитием отличаются народы, которые находятся друг с другом в постоянном общении; таковы народы европейско-христианские. Но понятно, что для плодотворности этого общения необходимо, чтоб народ встречался, общался с таким другим народом или народами, с которыми могла бы установиться мена мыс-

лей, знания, опытности, от которых можно было бы что-нибудь занять, чему-нибудь научиться. Переход народа из одного возраста в другой, т.е. сильное умственное движение в нем, начинается, когда народ встречается с другим народом, более развитым, образованным; и если различие в степени развития, в степени образованности между ними очень сильно, то между ними естественно образуется отношение учителя к ученику: закон, которого обойти нельзя. Так, римляне, народ, стремившийся к завоеванию всего известного тогда мира, встретившись с греками, народом, отжившим свой исторический век, преклонились пред ними, отдали им себя в науку и чрез эту греческую науку перешли во второй возраст своего исторического бытия. Но еще ближе к нам пример народов – наших ровесников, новых европейско-христианских народов, народов Западной Европы. Они совершили свой переход из одного возраста в другой в XV и XVI веках также посредством науки, чужой науки, чрез открытие и изучение памятников древней греко-римской мысли. По общему закону они пошли в науку к грекам и римлянам и ничего не хотели знать, кроме греков и римлян. В ревностном служении своем новому началу они отнеслись враждебно к прожитому ими возрасту, к своей древней истории, к господствовавшему там началу, к чувству и последствиям этого господства. Свою новую жизнь, красившуюся для них развитием мысли под влиянием древней, чужой науки, они противопоставили своей прежней жизни как бытие небытию. Оту-

маненные новыми могущественными влияниями, относясь враждебно к прожитому ими возрасту, они до того потеряли смысл к явлениям этого возраста, что не видели в нем своей древней истории, результаты которой имели жить в них, в их новой истории, как бы они ни старались отчураться от них именами Платонов, Аристотелей и Цицеронов. Для них древняя история была преимущественно история греков и римлян, к которым, как к своим учителям, духовным отцам, возродившим их к новой жизни, они непосредственно примыкали свою новую историю, а свою собственную древнюю историю они вставили как что-то странное, плохо понимаемое, междоумочное, ни то ни се, среднее, откуда и название средней истории, истории средних веков.

Так совершился переход из одного возраста в другой, из древней истории в новую для народов Западной Европы, народов романского и германского племени.

Но дошел черед и до нас, народа Восточной Европы, народа славянского. Наш переход из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, когда господствует мысль, совершился в конце XVII и начале XVIII века. Относительно этого перехода мы видим разницу между нами и нашими европейскими собратиями, разницу на два века.

Мы должны уяснить себе причины этого явления, чтоб понять условия, в которых совершился самый переход, или так называемое Преобразование. Общий смысл его, надеюсь,

теперь совершенно ясен, ясна его необходимость для каждого исторического, развивающегося народа, его характер и независимость от произвола исторического лица, которое может быть видным, главным деятелем, но не творцом явления, истекающего из общих законов народной жизни. В такое отношение наука ставит народ к великому историческому деятелю. Только великий народ способен иметь великого человека; сознавая значение деятельности великого человека, мы сознаем значение народа. Великий человек своею деятельностью воздвигает памятник своему народу; какой же народ откажет в памятнике своему великому человеку?

Чтение второе

В прошедший раз я старался уяснить смысл так называемого в нашей истории петровского преобразования: мы видели, что это было не иное что, как естественное и необходимое явление в народной жизни, в жизни исторического, развивающегося народа, именно переход из одного возраста в другой, из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль. Я указал на тождественное явление в жизни западных европейских народов, которые совершили этот переход в XV и XVI веках; Россия совершила его двумя веками позже. Быть может, некоторые ждали другого выражения, именно, что мы отстали от западноевропейских народов на два века, но это последнее выражение не может быть употребляемо по своей неточности. Два живых существа начали движение вместе по одной дороге, при равных условиях, и одно очутилось назади, отстало; первая мысль здесь, что при равенстве внешних условий различие необходимо заключается во внутренних условиях, в том, что отставший слабее того, кто ушел вперед. Но движение народов по историческому пути нельзя сравнивать вообще с беганьем детей в запуски или конскими бегами, к которым прилагается слово «отстать». В историческом движении может быть совершенно другое: здесь внутренние силы, средства могут быть равные или даже их может быть больше

у того, кто движется медленнее, но внешние условия разные, и они-то заставляют двигаться медленнее, задерживают, и потому надобно внимательно отличать отсталость, происходящую от внутренней слабости при равенстве внешних условий, и задержку, происходящую от различия, неблагоприятности внешних условий при равенстве внутренних. В данном случае мы должны именно употреблять второе выражение, ибо русский народ, как народ славянский, принадлежит к тому же великому арийскому племени, племени – любимцу истории, как и другие европейские народы древние и новые, и, подобно им, имеет наследственную способность к сильному историческому развитию; одинаково у него с новыми европейскими народами и другое могущественное внутреннее условие, определяющее его духовный образ, – христианство. Следовательно, внутренние условия, или средства, равны и внутренней слабости и потому отсталости мы предполагать не можем, но когда обратимся к условиям внешним, то видим чрезвычайную разницу, бросающуюся в глаза неблагоприятность условий на нашей стороне, что вполне объясняет задержку развития.

Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географических формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие небольшие, хорошо защищенные государственные обла-

сти, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т.д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда. При первом же взгляде на карту нас поражает громадность русской государственной области, но обширность государственной области имеет важное значение при известных условиях, при единстве народонаселения, при достаточном его количестве сравнительно с обширностью и при образованности народа.

Понятно, что при равенстве этих условий из двух государств сильнее то, которое больше другого, но при отсутствии этих условий обширность государства не только не дает ему силы сравнительно с небольшим государством, обладающим этими условиями, но и служит главным препятствием народному развитию. В истории нашего народа это тем более чувствительно, что Россия родилась с обширною государственною областью и с ничтожным относительно народонаселением.

Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению, когда существует в небольшом

расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии.

Россия и в XVII веке, перед эпохою преобразования, представляет нам на огромном пространстве небольшое число городов с поразительно ничтожным количеством промышленного народонаселения: эти города не иное что, как большие огороженные села, крепости, имеющие более военное значение, чем промышленное и торговое; они удалены друг от друга обширностию расстояний и чрезвычайною трудностию сообщений, особенно весною и осенью. Таким образом, Россия в своей древней истории представляла страну преимущественно сельскую, земледельческую, а такие страны необходимо бывают бедны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подле этого главного неблагоприятного условия видим еще другие.

Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада. Русское государство основалось в той стране, которая до него не знала истории, в стране, где господствовали дикие, кочевые орды, в стране, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божиих, для диких народов Средней Азии, стремившихся на опустошение Европы. Основанное в такой стране, русское государство изначала осуж-

далось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей. Вскоре после основания государства четвертый русский князь, самый храбрый, погибает от кочевых хищников, из черепа Святослава пьет вино печенежский князь, и только в конце XVII века, в конце нашей древней истории, русское государство успело выговорить освобождение от посылки постоянных обязательных даров крымскому хану, т.е. попросту дани.

Но едва только Россия начала справляться с Востоком, как на западе явились враги более опасные по своим средствам. Наша многострадальная Москва, основанная в середине земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее с двух сторон, с запада и востока, бороться от латинства и бесерменства, по старинному выражению, и должна была принимать беды с двух сторон: горела от татарина, горела от поляка. Таким образом, бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с невероятным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтоб избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтоб сохранить главное благо – народную независимость; бедная средствами сельская земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Кому неизвестно, что образование и содержание войска составляет важный, жизненный вопрос для каждого, а особенно континентального государства.

При самом зарождении государства этот вопрос уже является с своим важным, определяющим другие отношения значением. Основывается ли государство, начинается ли историческая жизнь в народе посредством завоевания или посредством внутреннего движения, все равно мы видим здесь разделение народа на две части, вооруженную и невооруженную, и определение отношений между ними составляет одну из главных забот народной жизни. В государствах первобытных, сельских, земледельческих отношения определяются просто и тяжело для невооруженной части народонаселения: оно должно непосредственно содержать, кормить вооруженную часть; земля находится во владении вооруженного класса и обрабатывается рабствующим, прикрепленным к земле сельским народонаселением. При благоприятных условиях географических и других государство начинает мало-помалу терять земледельческий характер, начинается торговое и промышленное движение; деньги, недвижимая собственность начинает получать все более и более значения; город богатеет, богатеет вообще народ, народонаселение увеличивается, и естественно приготавливается переход от крепостного труда к вольнонаемному. В то же время богатеет и правительство, увеличиваются его средства, денежные средства: прежде оно должно было довольствоваться помощью вооруженного сословия, бывшего вместе и высшим землевладельческим сословием, которое затрудняло правительство известными условиями, например воин на

Западе имел право не оставаться в походе долее известного срока. Теперь у правительства есть деньги, есть средства нанять войско для достижения своих целей, и являются наемные войска; наконец, дальнейшее усиление финансовых средств правительства дает ему возможность избегать невыгод и наемных войск и завести свое постоянное войско, которое бы всегда находилось в его распоряжении и которое бы народ содержал, кормил не непосредственно своими трудами, но посредством денег, уплачиваемых правительству в виде податей. Таким образом, появление постоянного войска есть ясный признак экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег подле недвижимого, земли, – признак, который естественно и необходимо совпадает с другим признаком – освобождением земледельческого сословия, появлением вольнонаемного труда вместо обязательного, крепостного. Город, разбогатеv, освобождает село, ибо в организме народном все органы находятся в тесной связи, усиление или упадок одного отзывается на усилении или упадке другого.

Так было на Западе. Обратимся на восток. Законы развития одни и те же и здесь, и там; разница происходит от более или менее благоприятных условий, ускоряющих или замедляющих развитие. На востоке, в нашей России, мы имеем дело с государством бедным, земледельческим, без развития города, без сильного промышленного и торгового движения,

государством громадным, но с малым народонаселением, государством, которое постоянно должно было вести тяжелую борьбу с соседями, борьбу не наступательную, но оборонительную, причем отстаивалось не материальное благосостояние (не избалованы были им наши предки!), но независимость страны, свобода жителей, потому что как скоро не поспеет русское войско выйти к берегам Оки сторожить татар, даст им где-нибудь прорваться, то восточные магометанские рынки наполняются русскими рабами. Государство бедное, мало населенное и должно содержать большое войско для защиты растянутых на длиннейшем протяжении и открытых границ.

Понятно, что мы должны здесь встретиться с обычным в земледельческих государствах явлением: вооруженное сословие, войско, непосредственно кормится на счет невооруженного. Бедное государство, но обязанное содержать большое войско, не имея денег вследствие промышленной и торговой неразвитости, раздает военным служилым людям земли. Но земля для землевладельца не имеет значения без земледельца, без работника, а его-то и недостает; рабочие руки дороги, за них идет борьба между землевладельцами: работников переманивают землевладельцы, которые побогаче, вотчинники, монастыри большими выгодами переманивают к себе работников от землевладельцев, которые победнее, от мелких помещиков, которые не могут дать выгодных условий, и бедный землевладелец, не имея работника, лишается

возможности кормиться с земли своей, лишается возможности служить, являться по первому требованию государства в должном виде, на коне, с известным числом людей и в достаточном вооружении, конен, люден и оружен. Что тут делать? Главная потребность государства – иметь наготове войско, но воин отказывается служить, не выходит в поход, потому что ему нечем жить, нечем вооружиться, у него есть земля, но нет работников. И вот единственным средством удовлетворения этой главной потребности страны найдено прикрепление крестьян, чтоб они не уходили с земель бедных помещиков, не переманивались богатыми, чтобы служилый человек имел всегда работника на своей земле, всегда имел средство быть готовым к выступлению в поход.

Долго иностранцы, а за ними и русские изумлялись и глумились над этим явлением: как это случилось, что в то самое время, как в Западной Европе крепостное право исчезало, в России оно вводилось? Теперь наука показывает нам ясно, как это случилось: в Западной Европе благодаря ее выгодному положению усилилась промышленная и торговая деятельность, односторонность в экономической жизни, господство недвижимой собственности, земли, исчезла, подле нее явилась собственность движимая, деньги, увеличилось народонаселение, разбогател город и освободил село. А на востоке образовалось государство при самых невыгодных условиях, с громадною областью и малым народонаселением, нуждающееся в большом войске, заставляемое

быть военным, хотя вовсе не воинственное, вовсе без завоевательных стремлений, имеющее в виду только постоянную защиту своей независимости и свободы своего народонаселения, государство бедное, земледельческое, и как только отношения в нем между частями народонаселения начали определяться по главным потребностям народной и государственной жизни, то оно и представило известное в подобных государствах явление: вооруженная часть народонаселения кормится непосредственно за счет невооруженной, владеет землею, на которой невооруженный человек является крепостным работником. И разве во всех государствах Европы крепостная зависимость сельского народонаселения исчезла вдруг и давно? В государствах Средней Европы она продолжалась до настоящего века, и причина тому заключалась в медленности экономического развития.

Но для уяснения явления посредством сравнения нам не нужно ограничиваться одною Европою; к Европе примыкает другая часть света, открытая европейско-христианскими народами, занятая ими, введенная вследствие этого в общую жизнь с Европою, – Америка.

В XVI веке эта страна представляла главные экономические условия, одинакие с востоком Европы, с Россиею: обширная страна, страшно нуждающаяся в рабочих руках. И что же делают в ней эти западные европейцы, так хвастающие ранним освобождением у себя сельского народонаселения? Они организуют здесь рабство сельского народона-

селения в самых обширных и отвратительных размерах посредством вывоза из Африки черных невольников, успокаивая свою цивилизованную совесть лукавым мудрствованием, что негры вовсе не такие люди, как белые, не от одного Адама произошли.

Прикрепление крестьян – это вопль отчаяния, испущенный государством, находящимся в безвыходном экономическом положении. Но дело не могло ограничиться одним прикреплением сельского населения к обрабатываемой им земле: в городах живут так называемые посадские, тяглые люди, промышленники, торговые люди. Промышляют и торгуют они в очень небольших размерах, но платят подати, несут повинности в очень больших размерах: государство, постоянно и страшно нуждающееся в деньгах, требует от них исправного платежа податей и в то же время требует от них тяжкой и разорительной службы при собирании этих доходов. А тут еще новая для них тягость – воевода и приказный человек.

Развитие состоит в разделении занятий; мы называем наиболее развитым то тело, которое имеет наиболее отдельных органов, служащих каждый известному отправлениям жизни и находящихся в тесной друг с другом связи и зависимости.

Мы называем и человеческое общество наименее развитым, варварским, где разделение занятий слабо, где каждый делает все для себя нужное, не имея нужды в других, не общается, не меняется с ними, живет особняком. Обще-

ством развитым, цивилизованным, наоборот, мы называем такое, где господствует разделение занятий и потому господствует и соединение сил, общая жизнь, ибо все находятся во взаимной связи и зависимости. В древней России, принадлежавшей к государствам первобытным, неразвитым, мы не можем надеяться встретить значительное разделение занятий ни в каких сферах. В таких государствах один орган обыкновенно служит нескольким отправлениям, которые при дальнейшем развитии распределяются по отдельным органам. В древней России военный, или ратный, человек в мирное время должен был занимать правительственные должности, которые, опять по той же неразвитости, соединялись с судебными должностями. В финансовом отношении назначение на такие места служило дополнительным содержанием к поместью для служилого или военного человека; и так как бедное государство не могло дать ему жалованья, то предоставляло ему содержаться доходами с управляемой им местности, кормиться на ее счет. Таким образом, вследствие указанной уже неразвитости земледельческого государства и город, подобно селу, должен был непосредственно содержать, кормить военного человека, который естественно и необходимо привыкал к мысли, что он имеет право непосредственно кормиться на счет невооруженного человека, а тот имеет обязанность непосредственно кормить его, непосредственно служить ему. Вследствие такого-то представления и образуется бездна между двумя

частями народонаселения, вооруженного и невооруженного; одни считают себя полными людьми, мужами и всех других называют неполными людьми, человечками, мужиками. Муж, приезжая управлять мужиками и смотря на эту должность как на дополнительное содержание, как на кормление, разумеется, хотел кормиться как можно сытнее. Муж, воевода, часто был безграмотный, не знал порядков управления и суда, и при нем являлся приказный человек, грамотный, умеющий вести дела и умеющий кормиться. Тяжелое положение тяглового человека, обремененного податями, увеличивалось еще таким отношением к областным правителям как кормленщикам, и часто тяглый человек бежал от невыносимой тягости, укрывался, вступал в зависимость от частных сильных и богатых людей, чтоб найти в ней льготу и покровительство. Это последнее явление составляет также характеристическую черту первобытных, неразвитых государств, которые не могут дать каждому подданному свободно и безопасно трудиться, – государств, где правительственные требования находятся в несоразмерности с средствами подданных удовлетворять им. Здесь естественное стремление бедного, слабого входить в зависимость от богатого, сильного, чтоб найти у них помощь и покровительство, найти защиту как от насилия других сильных, какой не может дать государство еще слабое, так и от требований самого государства. Известно, что так называемая феодальная система на Западе, господствовавшая в то время, когда тамошние государ-

ства находились в первобытном, неразвитом состоянии, основывалась на этом стремлении слабых войти в зависимость от ближайших сильных с целью найти в них защиту и покровительство.

Вот почему и в древней России мы видим сильное стремление добровольно входить в частную зависимость. Человек отдавался или продавался добровольно в холопы, давал на себя кабалу. Отпущенный на волю по завещанию умершего господина, холоп спешил закабалить себя наследнику покойного господина или другому кому-нибудь. Но кроме этого добровольного закабаления себя в личное услужение видим стремление людей, имеющих свое независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильных для приобретения защиты и освобождения от тяжелых государственных повинностей, стремление, по тогдашнему выражению, жить за чужим хребтом, быть в захребетниках, в соседях и подсосе дниках.

Государство, разумеется, не может равнодушно смотреть на все эти явления.

Накапливается огромное количество жалоб мелких землевладельцев, что крестьяне бегут с их земель и тем лишают их средств кормиться, следовательно, лишают средств служить. Несмотря на закон о прикреплении крестьян, богатые и сильные землевладельцы продолжали переманивать крестьян у недостаточных собратий своих, – переманит и сейчас же отправит в отдаленную вотчину, где прежний госпо-

дин его не сыщет. Пустеют целые волости от тяжких податей и воеводских притеснений, бегут или закладываются посадские люди. Но уход крестьянина от помещика лишает государство возможности иметь в сборе достаточное число войска; уход, укрывательство, закладничество тяглового человека лишает бедное государство последних финансовых средств, и вот одною из главных постоянных забот государства становится ловля человека. Помещик жалуется, что ушел работник, земля пуста, дохода не дает, а нанять работника нечем, да и некого; посадские люди жалуются, что товарищи их ушли или заложились за бояр, за монастыри, тягла не тянут, вся тяжесть обрушивается на оставшихся, которым, разумеется, нельзя справиться и приходится самим брести розно, и государство должно удовлетворять всем этим жалобам, должно ловить работника, тяглового человека, усаживать на одно постоянное место, стеречь, чтоб не ушел. Государство из финансовых видов должно вооружиться против закладничества, должно освободить людей от частной зависимости, освободить силою, против их воли, и освобожденные составляют заговор, чтобы произвести кровавый бунт против освободившего их правительства: зачем освободило. Вот явление, которое заставляет нас быть очень осторожными и не судить по настоящему о прошедшем.

Понятно, что меры государства относительно ловли и усаживания людей не могли быть очень действительны. Уйти и скрыться в громадной малонаселенной стране было лег-

ко; открытость границ, условие, столь затруднительное относительно государственной обороны, облегчавшее врагам доступ в Россию, облегчало и русскому народонаселению возможность выхода, возможность разбрасываться все более и более на неизмеримых пространствах, пустых или почти пустых по ничтожности их туземного народонаселения.

Понятно, что такая колонизация, такое постоянное расширение государственной области, не имеющей изначала резко очерченных границ, расширение, которое беспрепятственно шло чрез пустыни Северной Азии и могло остановиться только на берегах Восточного океана, такое постоянное расширение государственной области, и без того громадной, такой отплыв народонаселения, и без того незначительного, только усиливало затруднения государства в его отправлениях.

К тому же подле выселения людей с земским характером, людей, переносивших на новые места свой труд, мы видим выход людей с другим характером, – людей, которые, ушедши от тяжкого труда, от надзора правительственного и общественного, начинают заниматься дурным промыслом, жить на чужой счет; в густых лесах малонаселенной страны так легко было образоваться и укрываться от преследований разбойничьим шайкам, от которых мирное сельское народонаселение терпело более, чем от внешних врагов; от последних терпели окраины, разбойники свирепствовали повсюду.

Но не один лес служил убежищем для людей, которые хо-

тели жить на чужой счет, на счет трудящихся в поте лица братии: широкие степи, с которыми граничила древняя Россия на юге и юго-востоке, переставши быть привольем хищных кочевых орд, стали привольем казаков – людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице, которые, по старинному представлению, не могли пройти по ней, чтоб не задеть другого, не сшибить его с ног, на что, разумеется, эти задавленные и сшибаемые с ног не могли смотреть равнодушно и быть благодарными; поэтому люди, чувствовавшие такую тесноту в обществе и не желавшие работать, спешили на простор, в широкую степь, где могли гулять, живя на чужой счет, т.е. грабя своих и чужих. Так образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, – противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII века, в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственной области и страшно опустошили ее, явились для земских людей свирепее поляков и немцев (грубнее литвы и немец, по выражению летописца). Понятно, что это опустошение не могло улучшить экономическое положение страны, которое в продолжение нескольких лет сряду терпело от разбоя, производившегося в самых ужасающих размерах, с неслыхан-

ною ненавистью к мирному труду, к гражданину-труженику, к земскому человеку.

В последнее время, когда русская мысль, недостаточно установленная правильным научным трудом, произвела несколько странных явлений в нашей литературе, в некоторых так называемых исторических сочинениях выказалось стремление выставить этих героев леса и степи, разбойников и казаков, с выгодной стороны, выставить их народными героями, в их деятельности видеть протест во имя народа против тягостен и неправды тогдашнего строя государственной жизни.

Протест! Мы привыкли к этому слову, оно легко для нас, как легко самое дело. Но в сущности это дело не так легко, а потому и слово не должно употреблять легкомысленно; в сущности в самой тесной связи с ним находятся слова: подвиг, пророчество, мученичество, и, конечно, это слово во все пойдет к людям, которые покидали своих собратий в их подвиге, в их тяжелом труде и уходили, чтоб гулять и жить на чужой счет, на счет тяжкого труда своих собратий.

Хорош протест во имя народа, во имя народных интересов, протест, состоящий в том, чтобы мешать народному труду, мешать труженикам трудиться и посредством труда улучшать свое положение! Хорош протест против неправды под знаменем лжи, под знаменем самозванства! Нет, все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались; все наше сочувствие принадлежит тем зем-

ским русским людям, которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолеть страшные трудности, должны были бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать обширную страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон, и, несмотря на все препятствия, создали крепкую народность, крепкое государство. Все наше сочувствие принадлежит этим людям, которые в продолжение стольких веков работали самую черную работу, и посмеем ли мы задать им детский и дерзкий вопрос: зачем они при этой черной работе не носили светлого, богатого платья?

Наше сочувствие принадлежит не тем, которые, как бичи Божий, приходили из степей, чтоб вносить смуту и опустошения в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать; наше сочувствие принадлежит тем, которые своим честным гражданским трудом создавали, охраняли и спасали; тем, которые в Восточной, московской России, несмотря на разбросанность свою по обширным малопроезжим пространствам, умели собраться и стать как один человек, когда беда начала грозить родной стране, которые совершили не один физический подвиг, но умели очиститься нравственно, избавиться от привычки нравственного обособления, от привычки нравственного колебания, шатания, как они выражались. Наше сочувствие принадлежит тем, которые в Западной России, почуя ту же беду, нехит-

рыми средствами приходского складчинного пира умели создать крепкие общества, в короткое время создать школу, науку, литературу, все нравственные средства к борьбе с врагом сильным для спасения своей народности. Наше сочувствие принадлежит тем, которые великим трудом развили свои нравственные силы, окруженные варварами, сохранили свой европейско-христианский образ и стали способны под предводительством величайшего из тружеников приступить к новому великому труду, труду созидания новой России. Этим людям принадлежит все наше сочувствие, наша память, наша история. Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем.

Чтение третье

Из предложенного очерка экономического быта древней России легко догадаться, с чего должно было начаться движение при переходе из одного возраста народной жизни в другой. Прежде всего должно было пробудиться сознание о недостатках этого быта, о их вредных следствиях в деле народной безопасности, народной силы, народной чести. Каким же способом могло пробудиться это сознание?

Тем же, каким оно пробуждается и в отдельном человеке, – способом сравнения и противопоставления, а способ этот, разумеется, усиливается вследствие выхода в более широкую сферу, вследствие приобретения большого количества предметов, явлений для сравнения и противопоставления. Долгое время все внимание русского человека было обращено на Восток, к миру степных, хищных варваров, народов кочевых, нехристианских, стоявших на низшей ступени развития, чем народ русский. Русский человек сознал свое резкое различие от этих народов и, находясь в том возрасте, когда преобладает чувство, сознал свое резкое различие от степного варвара в религии; не русский и татарин, но христианин и бусурманин, или поганый, вот какие представления были наперед; здесь прошла резкая нравственная граница между русскою народностию и азиатским миром. Но на Западе другие соседи, народы с другим характером. И здесь

прежде всего было подмечено и стало на первом плане религиозное, т.е. вероисповедное, различие: православный христианин или просто христианин, христианин по преимуществу, и латынец (римлянин), литор, кальвин; и здесь, на Западе, вероисповедное различие провело резкую нравственную границу русской народности, вот почему и говорим мы, что православие легло в основу русской народности, охранило ее духовную и политическую самостоятельность; под его знаменем поднялась и собралась Восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшею.

Мы говорили, что Россия дурно защищена природою, открыта с востока, юга и запада, легкодоступна вражьиим нападениям, но отсутствие резких физических границ заменено для русского народа духовными границами, религиозным различием на востоке и юге, вероисповедным на западе; в этих-то границах крепко держалась русская народность и сохранила свою особность и самостоятельность.

Затем русский человек, разумеется, обратил внимание и на другие черты сходства и различия между своими соседями, между народами, с которыми имел дело, и по этим чертам также начал определять свои отношения к ним. Он заметил, например, племенное сходство и различие и поставил поляков-литву особо, немцев, т.е. всех западноевропейских народов неславянского происхождения, особо. Заме-

тил и резкое различие между восточным и западным человеком, азиатским и западноевропейским, грубость первого, умелость, образование второго. Особенно поразило русского человека в противоположность с его собственной бедностию богатство заморского немца, англичанина, голландца, гамбурца, любчанина, богатство и искусство (досужество). Заморский немец привозит товары необходимые, но которых русский человек не умеет делать; у заморских немцев много денег, и, кроме того, они умеют вести свои дела, умеют вести их сообща, умеют сговориться и поставить на своем, тогда как русские люди торгуют каждый отдельно, не умеют сговариваться, помогать друг другу и потому всегда в проигрыше пред немцами, не могут с ними стянуть, как они сами выражаются. Немцы привозят товары дорогие, которые в их земле не родятся, родятся далеко за океаном, но немцы на кораблях своих плавают по всем морям, пристают ко всем землям, покупают дешево, продают дорого и наживают великие барыши. Русский человек присматривается к немцам, которые из них богаче, которые искуснее, и видит, что богаче, искуснее немцы поморские, те, у которых больше кораблей, те, которые плавают и торгуют по всем морям.

Отсюда для русского человека представление моря как силы, которая дает богатство, отсюда страстное желание, стремление к морю, чтоб посредством него стать таким же богатым и умелым народом, как народы поморские. Таким образом, богатство и умелость заморских иностранцев,

противопоставленные собственной бедности и неразвитости, пробудили в сильном историческом, т.е. способном к развитию, народе стремление выйти из своего затруднительного, печального положения, умерить односторонность земледельческого быта промышленным и торговым развитием, средствами указанными, действительность которых очевидна; отсюда движение от востока к западу, от Азии к Европе, от степи к морю.

И это движение началось сейчас же, как только восточные варвары ослабели, русские осилили их, могли вздохнуть поспокойнее, оглядеться и заметить сказанное различие между собою и поморскими народами, ибо великий исторический народ пребывать в застое не может, а если древняя Россия нам представляется в застое, то это застой относительный, это только медленность движения в известных сферах вследствие могущественных препятствий, встречаемых народом.

Как только татарские ханы перестают подходить к Москве и брать в плен ее князей, сын того князя, который был пленником в Казани, Иоанн III уже заводит сношения с Западной Европой и вызывает тамошних художников, чтобы строить церкви, дворцы и башни в своем Кремле. Внук его Иоанн IV, как только угомонил восточных татар взятием Казани и Астрахани, так сейчас же обращает все свое внимание на запад, хочет непременно добиться до заветного моря.

Оттолкнутый от него соединенными усилиями поляков и шведов, Иоанн IV готов отдать всю русскую торговлю в ру-

ки англичан, лишь бы только те помогли ему получить хотя одну гавань на Балтийском море. Царь Алексей Михайлович делает наивное предложение герцогу Курляндскому, не может ли тот позволить строить в своих гаванях русские корабли; это всего лучше показывает движение и его направление, всего лучше показывает, как мысль о море стала господствующею, неотразимою. Таким образом, русские уже двинулись, и новый путь был определен; движение начинается с XV и XVI века, одновременно, следовательно, с движением западноевропейских народов, с их переходом из одного возраста в другой, но у нас, на Востоке, это движение шло чрезвычайно медленно вследствие страшных препятствий.

Польша и Швеция легли на дороге, загородили море, пробиться было невозможно с теми нестройными массами, какие представляло русское войско, требовавшее для успеха коренного преобразования. На западе загорожена дорога, а восток, степной восток, употребляет последние усилия, чтоб удержать свою добычу, свою пленницу – Россию. В то время как царь Иоанн IV обратил все свое внимание на запад, крымский хан подкрался и сжег Москву, сжег так, что она уже после того не поправлялась. Только что при царе Борисе успели решить вопрос, что лучше отправить своих русских за границу учиться, чем вызывать иностранных учителей в Россию, только что распорядились исполнением этого решения, как степи снова всколыхались, явились оттуда казаки с самозванцами и выполнили степную работу опусто-

шения, уравнения, т. е. уравнивали все с землею получше татар; долго Россия должна была отдыхать, оправляться после посещения этих проповедников протеста. Путешественники рассказывают, что когда они проезжали местами, где гостили казаки, то, чтоб остановиться и погреться в избах, прежде нужно было очистить эти избы от трупов их прежних обитателей. После такой болезни нельзя было требовать сильного движения от выздоравливающего, а тут, едва восточная Великая Россия начала оправляться, движения в Западной России, сведение старых счетов с Польшею, казацкие смуты в Малороссии замедляли движение, замедляли, но оно не прекращалось: шли ощупью, принимали полумеры, но двигались, вводили преобразования в войске, отбываемые от Балтийского моря, строили корабли для Каспийского.

Из сказанного, надеюсь, ясно, в чем должны были заключаться существенные черты так называемого преобразования, т. е. естественного и необходимого перехода народа из одного возраста в другой. Бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которыми заморские народы были обязаны своим богатством. Следовательно, дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения и для этого

прежде всего добыть себе уголок у северного Средиземного (Балтийско-Немецкого) моря, к которому прилила торговая, промышленная и историческая жизнь Европы, отхлынув от берегов древнего южного Средиземного моря. Здесь исполнялся общий закон, по которому шло движение и на Западе, – движение, приготовившее переход западноевропейских народов из одного возраста в другой, из древней истории в новую, началось изменением в их экономическом быте чрез усиление промышленной, торговой и мореплавательной деятельности. Чем обыкновенно начинают изложение новой истории? Открытиями новых стран и морских путей, и этим открытиям предшествует поднятие города, его чрезвычайное процветание в Италии, этой стране богатых, сильных, властительных городов-республик.

С берегами южного Средиземного моря начинают соперничать берега северного Средиземного моря, Балтийско-Немецкого: здесь поднимаются города ганзейские и нидерландские. В других западноевропейских странах в различной степени под влиянием различных условий, но повторяется то же явление: деньги, движимое соперничает с землею, недвижимым, золото спорит с мечом; прежде династии основывались мечом, теперь они основываются посредством денег: богатые купцы Медичи основывают династию во Флоренции.

Развитие промышленное и торговое ведет к развитию умственному чрез расширение сферы наблюдения, чрез уси-

ление жизни международной. Научное движение при этом необходимо, и мы видим, что в эпоху открытий географических, в эпоху усиления торговой и промышленной деятельности в странах, наиболее отличающихся этой деятельностью, является и сильная работа мысли над памятниками, оставленными древним греко-римским миром, влиянию которых так подчинились западноевропейские народы и под этим влиянием совершили переход из своей древней истории в новую, из возраста чувства в возраст мысли, проще сказать, отдались в ученье грекам и римлянам, прошли школу под их руководством, и эта школа надолго, можно сказать навсегда, оставила глубокие следы, точно так же как глубокие следы оставляет школа в каждом человеке, способном принимать и переваривать духовную пищу. В этой-то греко-римской школе при возбуждении мысли посредством нее западноевропейские народы прежде всего отнеслись с вопросом и допросом к отношениям, которые были результатом начала, господствовавшего в их древней истории, чувства, религиозного чувства. И следствием этого допроса расправившей свои крылья мысли результатам чувства, следствием столкновения двух начал, делящих между собою историю народов, следствием столкновения мысли и чувства было религиозное протестантское движение, обхватившее всю Западную Европу и поведшее всюду к такой продолжительной и кровавой борьбе.

И у нас в России переход из древней истории в новую со-

вершился по общим законам народной жизни, но и с известными особенностями вследствие различия условий, в которых проходила жизнь нашего и западноевропейских народов.

На Западе известное экономическое движение началось давно и шло постепенно, что и не давало ему значения новизны, особенно поражающего внимание, дающего господство явлению. Самым сильным и поражающим своею новизною движением было движение в области мысли, в области науки и литературы, перешедшее немедленно в область религиозную, в область церковных и церковно-государственных отношений; здесь новое, протестуя против старого, противопоставляя ему себя, необходимо вызывало борьбу, и борьбу самую сильную, борьбу религиозную, которая делит Европу на два враждебные лагеря. Эта-то борьба и стала на первом плане, отстранив все другие интересы на второй. У нас в России в эпоху преобразования, т.е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом плане.

По указанным выше неблагоприятным условиям у нас экономическое развитие было задержано, но движение государственной и народной жизни не останавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода; и как скоро сознание окончательно уяснилось, то народ должен был вдруг ринуться на новую до-

рогу, ибо разлад между сознанием того, что должно быть, и действительностию возможен у отдельного человека и целого народа только при условии крайней слабости воли, одряхления, но таким не был русский народ в описываемое время. Экономический переворот как удовлетворяющий главной народной потребности становился на первый план и как совершившийся вдруг тем сильнее давал себя чувствовать. В организме государственном нельзя дотронуться до одного органа, не коснувшись в то же время и других, и вот причина, почему вместе с экономическим преобразованием шло и множество других, но эти последние находились в служебном отношении к первому. Не забудем и того, что Россия совершила свой переход из древней истории в новую двумя веками позже, чем совершили это западноевропейские народы; следовательно, между этими народами, в общество которых вступил народ русский, многое уже должно было измениться.

Действительно, религиозное движение здесь успокоилось и на первом плане стоял также вопрос экономический. Вспомним, что на Западе это время было временем Людовика XIV, который дал Франции первенствующую роль в Западной Европе, но в конце его царствования Франция потеряла первенствующее значение.

Это происходило оттого, что вначале знаменитый министр Людовика Кольбер произвел экономическое движение, экономический переворот во Франции, давший королю

большие финансовые средства, но потом король позволил себе истощить их. От какой же мысли пошел Кольбер? Морские державы – Голландия и Англия – разбогатели посредством сильного промышленного и торгового движения; чтоб дать Франции возможность разбогатеть наравне с Англиею и Голландией?, надобно сделать ее морскою державою, возбудив в ней сильное промышленное и торговое движение, что и было сделано. Тут, следовательно, Кольбер шел от факта, совершившегося у всех перед глазами, от сравнения положения морских держав с положением континентальных, от верного понимания причин различия в этом положении, ибо не понять было трудно. От того же факта, от того же сравнения пошла и Россия; основное движение преобразовательной эпохи было то же кольберовское движение, то же стремление привить к земледельческому бедному государству промышленную и торговую деятельность, дать ему море, приобщить его к мореплавательной деятельности богатых государств, дать возможность разделить их громадные барыши. Движение это, как мы видели, так естественно и необходимо, что тут не может быть и мысли о каком-нибудь заимствовании или подражании: Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково, по тем же самым побуждениям, по каким два человека, один в Европе, а другой в Азии, чтоб погреться, выходят на солнце, а чтоб избежать солнечного жара, ищут тени. Иоанн IV, бившийся изо всех сил, чтоб утвердиться на морских бе-

регах, не мог подражать Кольберу.

Но когда Россия вошла в ближайшие сношения с Западною Европою, то было важно, что она нашла здесь то же самое движение, какое сама совершала, нашла ему оправдание. Россия, производившая у себя экономический переворот и сближавшаяся с Западною Европою, застала ее не в религиозной борьбе, совершенно чуждой и бесполезной для России, но в борьбе за средства к обогащению.

Но если в нашем преобразовании выставилась так выпукло экономическая сторона, то было бы крайне неосторожно не обратить внимания и на другие стороны, которые рассматриваемое явление должно было иметь по необходимым общим законам. Мы видели, что в Западной Европе при переходе народов из одного возраста в другой мысль, возбужденная знакомством с памятниками древней мысли, древней философии, отнеслась с вопросом и допросом к результатам господствовавшего в их древней истории чувства, религиозного чувства, откуда произошло сильное религиозное движение, сильная религиозная борьба, разделившая Европу на два враждебных лагеря – католический и протестантский. Мы видели, что часть западноевропейских народов сохраняет и упорно отстаивает старые верования, старые формы церковного строя и утверждается в этом крайностями нового начала, крайностями движения мысли, ее разлагающего, отрицательного движения. После возбуждения вопроса о злоупотреблениях латинской Церкви очень скоро возника-

ют учения, стремящиеся нарушить не только церковный, но и общественный строй; разнузданная мысль в своем отрицательном движении пробегает от Лютера до Мюнцера и от Мюнцера до анабаптистов. Такая крайность вызывала противодействие, реакцию со стороны католицизма, которые в свою очередь дошли до крайностей, произведя орден иезуитов. Никаких соглашений, никаких уступок новому началу, новым требованиям; все правильно, все безукоризненно, нечего переменять; и Божия правда, и человеческая ложь одинаково неприкосновенны; да будет так, как есть, или да не будет (*sit ut est, aut non sit*), написал католицизм на своем знамени в ответ на протестантские требования, на протестантские укоризны; и были в Западной Европе целые страны, которые остались верны этому знамени, обвели около себя магический круг, отчурались от всякого участия в новом движении, от всякого участия в служении новому началу: так поступили народы Пиренейского полуострова, знаменитые католическим старообрядством.

Но если при движении, вызывающем к переходу из одного возраста в другой, так сильно обнаруживается у народов отвращение к этому переходу, так сильно обнаруживается страх пред болезненным переворотом, так невыносима бывает тоска при этом, которую можно объяснить тоскою по родине, овладевающею многими людьми, решившимися в первый раз переступить порог отечества, войти в новый, чужой мир; если целые народы решаются заглушить в себе,

выжечь костром инквизиции всякую попытку мысли потребовать отчета у существующего, освященного веками, изменить здесь хотя единую букву и если такое решение оправдывается крайностями нового направления, ведущими к односторонности, нарушающими гармонию духовной жизни, то самый естественный вопрос в устах человека, не знающего подробностей нашей истории: «Неужели переход русского народа из одного возраста в другой, из древней истории в новую совершился без болезненных явлений, без сопротивления, без борьбы? Неужели все с веселым сердцем, безбоязненно отправились в новый путь, в неведомый мир? Неужели все выслушали с сочувствием, по крайней мере равнодушно вызов: свое дурно, чужое хорошо? Неужели при той резкой вероисповедной границе, которую русские люди провели между собою и западноевропейскими народами и которую так ревниво охраняли, не щадя ничего, никому не пришла в голову страшная мысль, что при тесном сближении с иноверными народами эта священная граница может быть нарушена?» Всем известно, как отвечает на эти вопросы наша история.

Задолго, почти за сто лет до начала преобразовательной деятельности Петра Великого, уже идет совещание у царя Бориса с духовенством и вельможами; предлагается трудное, но необходимое дело: надобно ввести науку, потому что без нее Россия бессильна, беззащитна перед другими враждебными народами; науку можно получить только из-за моря,

надобно призвать иностранных учителей, как уже хотел царь Иван. Но тут великая опасность: эти учителя – иноверцы; как будут учиться у них русские православные люди? Учиться – ведь это значит признать превосходство учителя, подчиниться ему, верить ему, делать так, как он велит, как сам делает, подражать ему. Какое страшное искушение: подчиниться влиянию учителя во всем, исключая одного – веры.

Решено было, что иноверные учителя опасны и потому лучше послать русских людей учиться за границу, чтобы они по возвращении стали учителями в своей стране. Понятно, что опасность не уменьшилась: русский человек, лишенный влияния народной среды, совершенно предавался чуждому влиянию. Никто из отправленных не возвратился.

А между тем движение началось. И где же? В самой Церкви. Явилась типография: она должна была прежде всего послужить Церкви, распространить церковную книгу; явилась важная выгода: книга выходила не из частных рук, не из рук переписчика, который мог внести в нее ошибки вольные и невольные; теперь книга должна была выходить под надзором церковного правительства. Но для того чтобы книга напечатана была правильно, нужно было напечатать ее с исправной рукописи, для чего нужно было собрать рукописи, сравнить, выбрать лучшую, сличить с греческим подлинником, но для этого нужно было знание, а знания-то и не было. Люди, по-видимому, знающие, которым было поручено дело исправления, уличены были в незнании, в искажении вместо

исправления.

Нужно было вызвать исправителей из-за границы, разумеется, православных, т.е. греков или ученых монахов из Западной России, которая вследствие борьбы с католицизмом ранее Восточной завела у себя школы.

Исправители были вызваны, начали исправлять по-своему, и раздался вопль: чужие переменяют веру, велят творить крестное знамение не так, писать и произносить самое священное имя не так, портят книги, по которым молились отцы, по которым молились святые и спаслись. Вопль пошел от старых учителей, от прежних исправителей книг, которые были оскорблены обвинениями в невежестве, в искажении книг. Но стоило только раздаться словам, что вера в опасности, веру переменяют, как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что движение к новому уже началось в разных сферах, новые обычаи бросались в глаза уже по тому самому, что были редки еще и ярко выделялись, сильно раздражали.

Явились ревнители, которые провозгласили, что последние времена приближаются, что надобно стать и помереть за веру, за неизменность того, что предано свыше и потому должно остаться неприкосновенным: «Аще я и не смыслен, гораздо неученый человек, да то знаю, что вся Церкви от св⁴ отец преданная, свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже приях, не предлагаю предел вечных: до нас положено,

лежи оно так во веки веков»⁵.

И так как ревнители старины действительно готовы были подвергнуться всем лишениям, страданиям и смерти, то производили сильное впечатление и увлекали многих. Явился раскол: часть русских людей отвергла авторитет Церкви, необходимым следствием чего было разделение отпадших на множество толков.

А между тем движение шло и с другой стороны; мысль была возбуждена религиозными вопросами; люди с возбужденною мыслию просиживали в Москве ночи с учеными киевскими монахами, другие стремились в Киев, в тамошние школы, к тамошним ученым и, возвратясь в Москву, спорили со своими отцами духовными, доказывая им, что они не так понимают дело. Те оскорблялись, кричали против извращения отношений, молодые учат старых, дети – отцов. Богословские споры овладевают вниманием общества, в домах и на улицах, мужчины и женщины спорят о времени пресущствления, упрекают друг друга в еретичестве. Иезуиты тут и закидывают свои сети, подходят к русским людям с внушениями: у нас с вами вера одна, разница в том, что у нас ученых людей больше, мы вас удовлетворим в вашей новой потребности, в потребности знания, работы мысли. Иезуитов выгнали, но опасность не уменьшилась; духовенство находилось в самом затруднительном положении, между двух огней: с одной стороны, свои раскольники обвиняли его в

отступлении от старой веры, отвергали его как еретическое, с другой – свои же обвиняли его в отсталости, в неимении средств правильно понимать проповедуемое учение, а тут иноверные учителя с Запада подчиняют русских людей своему влиянию и также не с уважением относятся к старым учителям их, к их отцам духовным.

Единственное средство выйти из этого затруднительного положения состояло в том, чтоб выйти вместе с народом на новую дорогу, приобрести могущество знания. Это новое могущество было необходимо для успешной борьбы с людьми, которые хотели остаться при старом начале во всей его исключительности, односторонности, людьми, которые лучше всего показывали, к чему ведет эта односторонность, исключительное господство чувства, не умеряемого мыслию.

Эта односторонность повела к безусловному, слепому, фанатическому утверждению превосходства своего над чужим, своего, принятого в самом узком смысле; она повела к слепому, безусловному, фанатическому утверждению неприкосновенности всего преданного без всякого различия существенного и несущественного, духа от буквы, Божией правды от человеческой ошибки; она повела к тому, что часть народа покинула Церковь, объявила ее зараженною еретичеством за то только, что Церковь изменила несколько слов, несколько обрядов. «До нас положено, лежи так во веки веков», – провозглашает знаменитый в истории рас-

кола протопоп Аввакум. Таким образом, односторонность господствовавшего начала, чувства, не умеряемого мыслию, знанием, выразилась в расколе самым печальным образом и заставляла необходимо требовать знания, умственного развития. Но то же знание было необходимо для защиты веры от других врагов, более опасных, от тех людей, к которым русский народ должен был обратиться за наукою, от учителей чужеземных, иноверных.

Мы видели, что русские люди с пробужденною мыслию, не имея возможности отправляться к народам иноверным, спешили в Киев к тамошним ученым для удовлетворения новой потребности, потребности знания. Но скоро заставы, заграждавшие путь к народам иноверным, должны были рушиться; нудящие потребности экономического преобразования, бывшего на первом плане, заставляли отнестись непосредственно к поморским народам, заимствовать у них их умелость, практические знания, которых нельзя было приобрести в киевских школах или в школах, устроенных по образцу киевских школ. Русские люди толпами отправились в эти заморские иноверные страны учиться; если прежде и те, которые ездили в Киев, по возвращении оттуда представляли новые требования от своих старых учителей, своих старых отцов духовных, то легко понять, с какими требованиями, с какими вопросами возвратятся русские люди из-за моря: надобно было приготовиться удовлетворить этим требованиям, отвечать на эти вопросы, а приготовиться можно

было только посредством науки.

Необходимость науки была признана и провозглашена торжественно. «Наука есть могущество», – задолго перед тем провозгласил один из великих ученых деятелей в Западной Европе⁶, и народы ее приняли это провозглашение как истину. Русские люди признали эту истину, как только познакомились с людьми, с народами, обладавшими наукою; они нашли, что эти люди, эти народы обладают страшным могуществом.

Могущество науки сознали русские люди в Западной России, увидав перед собою врагов своей веры, своей народности, вооруженных могуществом науки. Сознавши это, русские люди в Западной России не остались праздны, но поспешили вооружиться этим могуществом, чтоб бороться с врагами равным оружием. Русские люди Великой России, сознав могущество науки, также не хотят быть праздными, но поднимаются, собираются в дорогу, на поиск за наукою, чтоб сделать свою Россию богатою и сильною, чтоб дать ей почетное место среди народов. Наука есть могущество, но всякая сила может быть опасна в неопытных руках, если ей дается одностороннее направление. Посредством науки человек и народ переходят из одного возраста в другой: из возраста, где господствует чувство, в возраст, где господствует мысль. Мы только что говорили о печальных следствиях односторонности, решительного преобладания чувства, не умеряе-

мого мыслию, знанием, о печальных следствиях ревности не по разуму наших Аввакумов.

Но мы прежде сказали о печальных следствиях односторонности и другого начала, усиливающегося во второй период жизни человека и народа, – о печальных следствиях отрицательного, разлагающего движения мысли, следствиях, которые вызывают вопль: древо познания не есть древо жизни; вопль, родившийся в той самой стране, где впервые было провозглашено, что наука есть могущество; вопль, потрясающий веру в могущество науки. Недавно история как будто подтвердила справедливость этих слов, что древо познания не есть древо жизни для целых народов; недавно история произнесла страшные слова: «Горе народу, который равнодушно смотрит, как разрушаются алтари и закопаются их служители»; наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа, а было время, когда этот же самый народ в подобных же обстоятельствах был спасен простою крестьянкою⁷, действовавшею с религиозным одушевлением.

Но эти вопли, эти примеры показывают только, что наука теряет часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодетельница людей и народов, когда изучает прежде всего человека, когда знает условия, законы и потребности его природы, когда умеет сохранить гармонию между началами, в его природе действующими, умерять одно другим,

положить границы между ними, когда умеет умерять гордную знания и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству, когда умеет определить границы, где оканчивается область знания и где начинается область веры. Наука достигает полного могущества не тогда только, когда учит и развивает умственные способности, не тогда только, когда изучением законов видимой природы увеличивает удобства жизни: она достигает полного могущества, когда воспитывает человека, развивает все начала его природы для их правильного и согласного проявления. Блюсти, чтоб эта правильность и согласие не были нарушены при переходе русского народа из одного возраста в другой, становилось обязанностию русской Церкви; для приготовления ее служителей к исполнению этой обязанности могущественным и необходимым средством должна была служить также наука.

Необходимость движения на новый путь была признана, обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали, ждали вождя, вождь явился.

Чтение четвертое

«Народ собрался в дорогу и ждал вождя», – сказал я в заключение прошлого чтения. Это ожидание вовсе не было спокойное; это было тревожное, томительное ожидание. Сильное недовольство настоящим положением, раздражение, смута – вот что мы видим в России в то время, когда в ней воспитывался вождь, долженствовавший вести ее на новую дорогу. Прежде в сфере нравственной был могуществен авторитет Церкви, сильной своим единством, но теперь в Церкви раскол; являются люди, которые смущают большинство; с жаром, убеждением, начитанностию выставляя перед собою авторитет подвига, страдания, толкуют они, что православие падает, что патриарх, архиереи и все остающееся при них духовенство отступили от истины. Нам теперь без углубления в подробности тогдашнего состояния общества трудно себе представить, какое нравственное колебание, смуту производил раскол во второй половине XVII века. Страшное впечатление производится, когда слышатся выходки против имен, с которыми привыкли соединять нравственное освящение, нравственную неприкосновенность. «Патриарх, архиереи – еретики, изменники православию!» И это говорили люди, облеченные также нравственным авторитетом, начитанностию, т.е. в глазах толпы

знанием Св⁸ Писания, готовностью страдать и умирать за истину. «Нам не дают высказывать истины, обличать неправду, – кричали они. – Вместо того чтоб по заповеди Христовой обращаться с нами кротко, убеждать с тихостию, они нас пытаются и жгут».

Вот знаменитый разговор раскольника с патриархом.

Раскольник: «Правду говоришь, святейший владыка, что вы на себе Христов образ носите, но Христос сказал: „Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, а не срубам, не огнем и мечом грозил; велено повиноваться наставникам, но не ведено слушать и ангела, если не то возвещает“. Что за ересь и хула двумя перстами креститься? За что тут жечь и пытаться!»

Патриарх отвечал: «Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называют и не повинуются Св⁹ Церкви, а креститесь как хотите». Как обыкновенно бывает при подобных отношениях, люди, требующие свободы и безопасности, требуют их только для одних себя, а не для стороны противной в одинаковой степени, и раскольники не ограничивались одною свободою двуперстного сложения, они требовали также свободы и безопасности в открытом нападении на Церковь, свободы и безопасности в своей проповеди против нее, в выставлении ее еретическою. Но в толпе не умели уяснить себе эти отношения, и

⁸ ященного

⁹ ятой

раскольники в глазах многих имели большую выгоду, выгоду гонимых. Некоторые шли за ними; другие, оставаясь при Церкви, не могли для себя вполне уяснить ее правоты, а потому естественно охлаждали к ней; ослабевал и авторитет Церкви, нравственная смута чрез это усиливалась; у ревнителей старины, стоявших, по-видимому, за неизменность, твердость всего преданного, даже каждой буквы, твердости и неизменности не оказалось с самого же начала, с самого начала страшная рознь между толками, и люди в отчаянии от этих разноречий, от этой смуты разбрелись по всевозможным дорогам, ища веры, и до сих пор ищут.

На помощь Церкви была призвана наука: устроили в Москве школу, академию, обязанностью которой было защищать православие; начальник (блюститель) и учителя должны смотреть, чтоб ни у кого не было запрещенных книг; если кто-нибудь будет обвинен в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителю и учителям, и если они признают обвинение справедливым, то преступник подвергается сожжению. Таким образом, академия уполномочивалась следить за движениями врагов православия и бить вполух при первой опасности; это была цитадель, которую хотели устроить для православной Церкви при необходимости столкновения ее с иноверным Западом; это не училище только, это страшный трибунал: произнесут блюститель и учителя слово: «Виновен в неправославии», – и костер запыляет для преступника. Понятно, что для произнесения суда

над уклоняющимся от православия судьи сами прежде всего должны быть согласны между собою. Но с самого начала православные ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом.

Симеон Полоцкий разногласит с Епифанием Славинецким; потом великороссиянин Сильвестр Медведев, ученик Полоцкого, ведет ожесточенные споры с учителями академии греками Лихудами. Двор на стороне Медведева, патриарх на стороне Лихудов; понятно, что русские люди делятся, двоятся между двумя враждебными лагерями, всюду споры, шатость, смута. Верховный пастырь Церкви, патриарх, находился при этом в очень незавидном положении; раскольники обзывали его еретиком; при дворе, в обществах, находящихся под влиянием Полоцких, Медведевых, смеялись над ним, как над неучем. И действительно, недостаток научного образования препятствовал ясности взгляда его на то, что делалось вокруг, к чему шло дело; им овладевал безотчетный страх пред новым, причем существенное смешивалось с несущественным, и перемена чего-нибудь внешнего, какого-нибудь обычая, покроя платья, бритье бороды становилось наравне с учениями, противными православию. Народ, собравшийся слушан, проповедь верховного пастыря, слышал такие обличения: «Люди неученые, в Церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быть мудрыми, но от пипок

табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков обьюродели.

Совротясь от стезей отцов своих, говорят: «Для чего это в Церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить"».

Указания на чуждые учения, на чуждые западные влияния ясны и верны; русские люди, по выражению патриарха, обьюродели от люторских и кальвинских учений; но прежде этих учений поставлена еще какая причина обьюродения?

Пипки табацкие! Курение табаку сделано равносильным по своему вреду для православия протестантским внушениям! Резко вооружаясь против всего нового на словах, патриарх не имел твердости сопротивляться на деле, таким поведением возбуждал раздражение и насмешки со стороны людей, стремившихся к новому, но, разумеется, не щадили его и приверженцы старины, которую он в их глазах не отстаивал как должно. Юродивый говорил о нем:

«Какой он патриарх! Живет из куска, спать бы ему да есть, бережет мантию да клобука белого, затем и не обличает». Таким образом, с двух сторон направлялись обвинения и укоризны на представителей власти церковной; и толпа начинала уже смотреть на них как на низверженных с высоты, подвергнувшихся суду и осуждению; толпа являлась хладнокровною, и хуже, чем хладнокровною, зрительницею падения власти.

Церковная власть падала, и никто не подавал ей руку по-

мощи, ибо смуте нравственной, происходившей от ослабления церковного авторитета, соответствовала смута политическая, происходившая от ослабления власти гражданской. Основные условия жизни России, на значение которых уже было указано, изначальная громадность государственной области и редко разбросанное народонаселение, замедляя развитие общества, цивилизацию, т.е. разделение труда и соединение сил, тем самым требовали чрезвычайной деятельности правительственной в соединении и направлении разбросанных сил для общих государственных целей; постоянная опасность от врагов требовала, естественно, постоянной диктатуры, и, таким образом, в России выработалось крепкое самодержавие. В конце XVII века, точно так же как и в начале его, эта власть ослабела, и по этому поводу произошли сильные волнения, к которым наши предки отнеслись одинаково, назвав их одним именем – смуты; как династические перемены служили поводом к смуте в начале XVII века, так династические же беспорядки повели и к смуте в конце века. Смута началась по поводу преждевременной смерти царя Алексея Михайловича, которому наследовал больной сын его Федор, скоро умерший беспотомственно. После него провозгласили царем малолетнего брата его Петра, за которого должна была управлять его мать, царица Наталья. Малолетство государей обыкновенно ведет к смутам, а тут были еще другие сильные поводы к ним. В семье царя Алексея страшный раздор вследствие того, что де-

ти не от одной матери. Царица Наталья, мать Петра, мачеха старшим его братьям и сестрам, для которых она и ее дети были неприятным, тяжелым явлением в последние годы царя Алексея. По смерти его, когда вступил на престол Федор Алексеевич, сын от первого брака, мачеху с ее детьми удалили, оскорбили ее ссылкой ее родных и людей самых близких. Обида прошла по семье, и добра не будет. По смерти Федора Алексеевича наступило время царицы Натальи: сын ее Петр провозглашен царем мимо старшего брата Иоанна, совершенно неспособного и больного; этот Иоанн – последний сын царя Алексея от первого его брака, но у него много сестер, девиц-царевен, из которых одна была знаменитая Софья Алексеевна, представляющая любопытное явление, знамение времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.